

Ольга

Старушко

СЛОВУ НУЖНО ДЫШАТЬ...

РЕЧЬ

Почитайте стихи – не глазами, а вслух.
Слову нужно дышать, и поэзия – дух,
а не буквы и строки в столбец на бумаге,
и поэт выдыхает не знаки, а звук.

Повторяйте слова, это всем по плечу,
наша речь, наше слово – шестое из чувств.
Вдох и выдох – сигналы сердечного ритма:
я читаю, и значит, живу и звучу.

Безголосые буквы лишь тень на стене,
а течение речи полнее вдвойне,
если голос поэта услышит читатель
и вдохнёт, чтобы звук не иссяк в тишине.

Только выдох и вдох оживляют слова,
только нашим дыханием речь и жива.
Говорите стихами любимых поэтов,
множа голосом голос, дыханье – на два.

СЛОВО

Вздыхает юг, и влажное тепло
пропитывает меркнущие рощи.
С ветвей сползает лиственная плоть:
сопреть, истлеть.
Туман идёт на ошупь,
похолодев, сгустится до крупы,
насытит воздух, скрадывая звуки.

И отпадёт нужда в словах.
 Любых.
 И онемееет лес, воздевший руки,
 и в белом шуме будет только свист,
 сухого снега шелест, шёпот, шорох
 на ледяном ветру.
 И ты таись,
 покуда в кронах безголосых, голых
 не забурлит от света жаркий сок
 и почки не нальются, чтобы снова
 свободно с языков зелёных тёк
 немолчный лепет лиственного слова.

ДМИТРИЮ МЕЛЬНИКОВУ

I

Травой взойти в сени высоких, светлых,
 травой и быть – нехоженой, лесной.
 И слушать скрип стволов, их споры с ветром,
 расти под солнцем, пахнущим сосной.
 Под утро обомлеть, как грянут птицы
 немалым хором славных певчих сил.
 И видеть снизу блики: свет дробится
 и колется сквозь мириады игл.
 А если дождь случится, то по капле
 ловить, и бить поклоны, навзничь лечь –
 и снова встать, и жадно пить.
 Не так ли
 мы открываем рты,
 ловя родную речь?

II

Как ходит дубрава?
 По метру за век.
 Из кроны латунной, тяжелой
 падёт на траву под листву или снег
 калёный лоснящийся жёлудь.
 Сорока-воровка его подберёт
 зимой пропитания ради,
 но ворон пугнёт у плакучих берёз,
 потряхнёт черно-белое платье,
 и жёлудь, без шляпки уже, кувырком
 достигнет земли под брусничкой.
 Укрытый корнями, укутанный мхом,
 весной из-под снега возникнет

упрямый дубок, раздвигая цветы,
и прель, и сосновую хвою.
Он жив, хоть и падал с такой высоты.
И к осени листья удвоит.
Кудрява всё выше его голова –
окрепнет и встанет над чашей.

Однажды и мы проронили слова.
И пусть их кто хочет растащит.

ОДУВАНЧИКИ

Будет ветер, будет град.
Перепутана трава.
Не удержишь – улетят
слишком лёгкие слова.
Станут сами по себе:
не твои уже – ничьи.
По ночам их станут петь,
повторяя, соловьи.
И когда находит стих,
как июньская гроза,
отпусти их, отпусти.
На ветру стоять нельзя:
побелеет голова.
Полетят среди дождей
одуванчики-слова,
отрываясь от людей.

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ

Известнейшая из амфиболий
античности.
Окаменевший слепок
слов пифии, которым верят слепо.

Горячий воздух рвётся из щели
в земле.
Треножник над разломом.
Дева,
вдохнув дурмана восходящей пневмы,
бормочет непонятные слова.
Оракул в храме Аполлона в Дельфах.
Здесь предсказания тёмные лова,
тотчас несут их толковать поэтам.

И запросто прочесть и так, и этак:
двусмысленность придётся извинять.
Шипит битуминозный известняк
и выделяет в воду этилен
на глубине, где плещет ключ Кастальский.

Три тысячи таких тягучих лет
оракула сладкоречивый тлен
вдыхали вдоволь.

Крез утратит царство.
И до него бесчисленные все:
цари и Фив, и Спарты, Одиссей,
изгнавший по навету Телемаха,
наследника, осиротив Итаку –
толпятся у треножника, дрожат
и вожделеют золота и славы,
не замечая, что стекает яд
с губ пифии, жующей листья лавра,
и газ летучий – грёз её виновник.

Плесни из амфоры, прошу, ещё вино мне.

Того нельзя ли, этого нельзя,
а скот у храма в жертву принеся
двенадцатого гекатомбеона
и заучив приятные на слух
загадки, греки верили, что злу
звук преградит дорогу, как Пифону.

Ах нет, я вру: в Додоне сын Лаэрта
не понял шелест дуба в древней роще –
там смерть от рук сыновних напороочил
оракул: место, а не голос чей-то.
Ещё оракул – собственно слова,
формулировка.
Правда такова,
какой хотим мы, обмануться рады.
И буквы на дощечках нацарапав,
пройдоха-жрец всучит нам перевод.

А что же до кастальских пенных вод
и вечной болтовни про вдохновенье –
всё дело, виночерпий, в этилене.

Ты только погляди: кто там в летах?
На склоне лет и моралист Плутарх

был удостоен жреческого сана
в дельфийском прорицалище, в том самом,
где изначально пифия раз в год
вдыхала газ и бредила.

Но вот
не только в день рожденья Аполлона,
а ежедневно стали ждать словес,
и газ весь улетучился.

Исчез.

Мукой ячменной жертвенник в колоннах
чадил.

Жрецы курили лавр вотще.

Торчал пупом земли священный камень,
но всё темней казался смысл речей –
и ничего из них не почерпнуть.

Плутарха занимало: почему
не прорицает более стихами
служительница Аполлона в Дельфах?
Поэзия, мой Ганимед, как дева
небрежна стала в метре и в словах.

А перифразы, написал Плутарх,
отёрши пот с чела, уже не в моде.
Двусмысленности цели не находят,
стихи никто не учит наизусть.

И сладость пневмы выдохлась.

Боюсь,

ты сам решаешь, в чём твоя стезя:
сказать нельзя.

И не сказать нельзя.

РОСА

Выйдешь, скрипя зубами,
впиваясь в ночь –
ночь, да такую, что все соловьи пьяны.
Не шелохнувшись, берёзы глядят в окно:
чёрные пряди под синим огнём луны.
Вот тебе май, одуванчиков млечный дым,
волны сирени – до третьего этажа.
Ландыш за сердце берёт,
и такое с ним
делает, что ни вздохнуть, ни зубов разжать.
Вынут всю душу пением. Лепестки
звёздные пряны – пала уже роса.

Вот тебе май, и запомни его таким:
сердце на части, не выплаканы глаза,
три соловьиных октавы, огонь тоски,
жгучая боль от счастья.
И седина в волосах.

ЛУЧ

Когда он настанет, последний из дней,
и я замолчу, уходя,
пусть вечер июня почудится мне
и запахи после дождя.

Без этого мы и при жизни мертвы.
И как же пронзителен вдруг
от пасынков дух помидорной листвы
на коже темнеющих рук!

Не думать о том, для чего я живу,
не помнить, что сказано мной.
Есть луч золотой, пронизавший траву,
и влага, смирившая зной.

Тяжёлые головы роз.
Виноград,
цветущий на юной лозе,
тутовник, и дрок, и морские ветра:
все краски и запахи все,

пока ещё можно смотреть и дышать –
отпущенный срок невелик –
впитаю.

Так пьют, никуда не спеша,
мелисса, тимьян, базилик.

И будет неважно, о чём прошепчу
потом, растворяясь вдали,
поняв, что подобно воде и лучу
касалась нагретой земли.

НАОБОРОТ

Чтобы прочесть это, к зеркалу поднеси.
Что нам порядок, которым буквы ложатся в строки?
Гладь по изнанке, переплетения трогай.

Слово – из кокона. Из скорлупы. Но сил
стоит отчаянных вызвать его наружу.

И понимать происшедшее изнутри,
глядя в лицо ему – странно: покой нарушит,
перекроит тебя, и на живую нить
сметет по новой, иглою сомненья клонув.

Ходят по свету, вывернув душу, люди.
А разорвётся – некому починить.

Еле ухватишь ткань. И за лоскуты
будешь держаться что мочи – нема, разъята.
Смотрит в тебя из текста другая ты.
Вденет в иголку нить, и кладёт заплаты.

А залатает, нить проведя в иглу,
глянет другая ты на тебя из текста:
что онемела?
Слово приходит вслух,
нити и лоскуты собирая вместе.

Некому починить? На разрыв пиши.
Вывернув душу, люди по свету бродят.

Колют сомненья? Метанья твоей души
и называются жизнью: скроили вроде
странно, и не до покоя, когда в лицо
смотрит иная сущность, обескуражив.

Черпая силы, кокон (или яйцо)
молча представь. И слова в глубине. Отдашь им
всё до последнего вздоха – отдашь что есть.

Буквы в обратном порядке ложатся в гранки.
Переплетения трогай. Гладь по изнанке.
И поднеси это к зеркалу, чтобы прочесть.

ЛИПОВЫЙ МЁД

Хоть режь его, хоть ешь его ломтями –
густейший зной стоит и росы тянет
из почвы.
И почти кипит июль.

Подпёрли липы небеса, белея
вдоль старой позаброшенной аллеи
и от жары сомлели во хмелю,
и липнет к пальцам цвет – воздушный, сладкий.

Оставь меж листьев жёсткие крылатки,
а венчики, их с пчёлами деля,
срывай, шальным не оставляя грозам.

Смешаешь с лепестками дикой розы
и настоишь на мятных фитилях
ратафию.
Иванов день всё ближе.
Не взят никем,
в траве расплылся жижей,
заплесневел по шляпку белый гриб.

Отнимет спирт у розы, липы, мяты
их сок, и цвет, и мёд.
И в день девятый
глотни его, почувяв жар внутри.
И нипочём теперь любое лихо.

Иди: не клят, не мят и шит не лыком,
бери что можешь.
Отдавай что зря.
Есть две недели для цветенья липы.

Ты только их и помни, поелику
всё явственной дыханье ноября,
когда старик свезёт на тачке ульи
в гараж – а пчёлы грезят об июле –
зима ему оскалилась в лицо.
И волосы её полощет в небе
и обирает липы ветер, гневен,
и им орёт на сотни голосов.

Но я тяну одну и ту же ноту:
вернётся день, где полны мёдом соты,
и ты пчеле лепечешь: не ужаль,
чтоб ангельских цветов, крылатых, белых
душа, коснувшись, пела и горела –
хоть режь меня, хоть ешь меня с ножа.

УРОКИ КАЛЛИГРАФИИ

А я могу понять и ветер, и поток,
и чарки по реке на пальмовые листья.
А после встать к станку и поработать кистью,
допив ещё глоток
и повторив глоток.

Хмельных дрожжей вкуси, пускай лоза не слива –
иные времена,
иные берега.
Лишь об одном прошу: не говори красиво.
Жизнь тем и дорога,
как прежде, дорога,
что ускользает от старательных и трезвых,
но мастер тушь и кисть готовит наперёд,
и держит под рукой, под настроенье врезать –
а там уж как пойдёт.

ОБРЕЗКА

Лоза должна страдать под лезвием.
Иначе
безжизненная плеть обломится, суха.
И режут виноград, пока он не заплачет,
и тонок аромат весеннего дымка.

Стреляет сок, шипит, пузырится на срезе,
когда летит в огонь былых побегов плоть.
А солнце всё смелей, и всё быстрее железо:
успей, пока слеза по лозам не течёт.

Иное не мертво – прихватишь по живому,
и струйкой из ветвей восходит сквозь туман
кипящий белый пар.
Так воспаряет слово,
когда горишь в огне
и от восторга пьян.

Всё лишнее – отсечь.
Проснутся почки рядом,
и будут лист и гроздь, как подспеет срок.
Терпения и сил проси у винограда,
а снявши урожай, благодари за сок.

МАГАРАЧ

Ранит оса дозревающий виноград,
винная мушка роится в кистях тяжёлых.
Скоро окрепнут просоленные ветра,
осень с цепи спуская.
Грядёт пора
бронеголовых мстителей-богомолов,

время купания в свете, косых теней
 и захмелевших бабочек-адмиралов,
 позднего сбора итогов, мускатных дней,
 винного камня в осадке на самом дне,
 ножек тягучих на гнупом стекле бокала.
 Вот богомол на правом моём плече,
 он ещё юн и зелен, полупрозрачен.
 В солнечных пятнах, где воздух погорячей,
 бойся, оса, его зубчатых лап-мечей,
 бейся, оса, застывая в янтаре лучей.
 И «Магарач» истекает соком,
 совсем горячим.

СКЛОН

На склоне лет пусть будет виноградник,
 за рядом ряд стекая вниз с холма
 в долину, и уходит там в туман
 страницей разлинованной тетради.

Пусть молкнет гул досужих голосов,
 а море громко дышит, остывая,
 и в скалы бьёт вода его живая,
 и солнце в облака просыплет соль.

Пусть будет свет, рассеянный, но яркий,
 и осторожным трогает теплом
 за бок айву, упавшую на грядки,
 и бражник воздух завихрит крылом.

И в небе пусть круги нарежет сокол.
 И грозди сняты точно на Покров
 янтарные, и время каплет соком:
 густое и горячее, как кровь.

ЛЕПТА

I

Нелепость смерти есть сарказм божеств:
 Эхилу – черепаха, вши – Гомеру,
 Хрисиппу – хохот от вина без меры.
 Филит же был сражён софизмом «Лжец» –
 у Евбулида, помните? – я лгу.
 То, что изрёк я, истинно ли?
 Ложно?

Ему б не руку прижимать ко лбу,
при сильном ветре выходя на площадь,
а груз к подошвам привязать – настолько
в раздумьях и трудах усов, зачах,
и интеллектом стал, и телом тонок
(лептотатос – напишут о мощах).

Сограждане его, островитяне,
захоронили тело под платаном:
«Придавлен камнем, тут лежит Филит,
со свету сжит обманными речами.
Я тайны слов разгадывал.
Печален
удел поэта – истончиться в лист».

Над морем лают чайки: лгу-лгу-лгу.
Рождает ветер элегичный гул
порывами – гекзаметр, пентаметр –
пока слова с моих слетают губ,
и лист платана катится во мглу,
весь скрюченный и хрусткий, как пергамент.

Солгу ли я, сказав себе – лгала?
А если нет, то глупый птичий гвалт
правдив?
Морочат голову мне чайки,
Филит, и много чести отвечать им.

II

Поэт, что лёг за логику костями,
в строках мне тесно в двадцати восьми.

Ни эллинов тут нет, ни их идеи,
и не Александрия, и не Кос –
но край платанов, виноградных лоз,
что кровь земли качают, не скудея,
дельфинов, лавров, вороватых коз
и каперсов херсонеситской хоры.

Поэт, твой нескончаемый вопрос
маячит в поле зрения, как горы,
наш город обступившие кольцом.

Не лгут стихи,
в них истин – море, сонм.
Поэтому что нелогично – точно
в строке, а не в софических цепочках.

Да будет вечно всё, что прежде было.
И парадокс не свёл тебя в могилу,
бредёт Гомер, а дети ловят рыб,
под смоквой упивается Хрисипп.
Сверкает полдень лысиной Эсхила.

Поверь, когда скажу тебе – солгу
теперь, что не хочу и не смогу
остаться тут и стать листом и почвой,
как скиф и эллин, гот, алан и гунн.

Хребет подставить небу, позвоночник –
скалой, где чайки спят порой полночной.

А волны вольно к берегу бегут,
стучит клепсида каплями секунд,
и ни одна из них не ставит точку.

Ольга Старушко (р. 1964) выросла и живёт в Севастополе. Журналист по образованию (окончила факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова), работала в СМИ, рекламных агентствах, компаниях по связям с общественностью. Руководитель секции поэзии Севастопольского регионального отделения Союза писателей России.

В 2015 году вышла первая книга «Корабельная сторона», в 2021 году – «Родительская тетрадь», в 2022-м – «Гласные».

Стихи публиковались в альманахах «Глаголь», «Парад литератур», «Берега», «Севастополь», «Невский альманах», «Территория слова», «Крылья», в коллективных сборниках «Слово о Новороссии», «Болдинская весна», «Поэзия Русского лета».

